

Шэнь Цзун, решивший применить полученные знания на практике, прямо зажал подбородок малыша. В его глазах отражалось это юное лицо, пышущее восемнадцатилетней энергией, а румянец на дне его глаз так и манил зайти дальше...

— Это же школа... Ублюдок, ты чего... Мхм...

— Всего минута.

В кустах раздались интимные звуки вознучей влаги, скрытые густыми слоями ветвей.

Они не заметили, как неподалёку кто-то остановился. Лёгкий звук затвора камеры промелькнул и затерялся в шуршании ветра — никто ничего не услышал.

Сокрушить мажора, победить сына чиновника

— ...Это родительское собрание в этот раз можно считать всеобщей мобилизацией перед гаокао...

Су Юнь и Шэнь Ифань сидели на последнем ряду конференц-зала, где проходил классный час. Первый класс был профильным, поэтому для каждого родительского собрания удавалось занять небольшой школьный конференц-зал — якобы для содействия совместному общению учеников и родителей.

На возвышении с улыбкой стояла учительница обществензнания и одновременно заместитель классного руководителя — опытный педагог, которую вернули на работу после сорока с лишним лет стажа. Речь у неё была простоватая, но на редкость душевная и интересная.

Су Юню эта обстановка казалась одновременно напряжённой и непривычной, а его соседи по парте и вовсе испытывали благоговейный трепет: ведь с давних пор рядом с ним никогда не появлялось никаких старших родственников.

Место работы Су Циня находилось слишком далеко, дядя круглый год торговал на улице до полуночи, а после обеда должен был закупать товар, так что Су Юнь не мог предъявить столь капризное требование. Поэтому на каждом родительском собрании он забивался в какой-нибудь угол и терпел град всевозможных взглядов. Но в этот раз рядом с ним не только сидел человек — под крышкой парты он ещё и крутил шашни с его рукой. Черт побери, какое же это было острое ощущение!

В столь интересном месте так и тянуло заняться чем-нибудь ещё более увлекательным.

Малыш Су Юнь легко поскрёб ладонь мужчины:

— Шэнь Ифань, что ты там пишешь?

— Анализирую твои тесты. Вернемся домой — займусь твоим повторением.

—

Похоже, в будущем рассчитывать на то, что кто-то поможет сделать домашку, не придётся.

В этот момент замклассного руководителя внезапно включил проектор. На белой доске высветился лист бумаги, на котором размашистым почерком было выведено целое сочинение-

рефлексия родителя.

— ...Просто не удержался и решил показать это всем родителям. В этот раз в родительской рефлексии я хочу особо отметить опекуна ученика Су Юня — господина Шэня. Можете взглянуть, здесь всё — и формулировки, и самоанализ — невероятно глубоко и живо...

Су Юнь? Я?

У Су Юня чуть челюсть не отпала. За три года старшей школы его впервые в жизни похвалили, и за что? За родительское сочинение?

Он толкнул локтем сидящего рядом мужчину, слегка растроганный:

— Это ты написал?

— Почерк мой, но текст написан на заказ. Исполнитель — старший HR нашей корпорации, выпускник журфака Пекинского университета. Когда черновик был готов, его случайно увидел один из вице-президентов — он впервые столкнулся с настолько свежими результатами экзаменов, забрал текст, чтобы точно проанализировать, и немного отшлифовал. Выпускник Массачусетского технологического.

Су Юнь: «.....»

Журфак Пекинского университета? И сам вице-президент знаменитой корпорации Шэнь! При таком блеске трудно было бы избежать публичной похвалы...

Воспользовавшись тем, что родители и ученики вместе анализировали тестовые работы, замклассного руководителя подошёл ближе:

— Вы — опекун ученика Су?

Шэнь Ифань с улыбкой кивнул.

Замклассного наклонился и с улыбкой произнёс вполголоса:

— Видно, что вы человек весьма образованный, но образованием и здоровьем ребёнка пренебрегать никак нельзя. Дома можете побольше подтягивать его по учебе, заодно поинтересуйтесь, нет ли у него ранней влюбленности или каких-то сдвигов в душевном состоянии. Вообще-то он мальчик с большим будущим. — Он отечески похлопал Су Юня по голове. — Давай поднажмем, и ты обязательно перегонишь богатого мажора и обойдешь сына чиновника!

Су Юнь чуть не прыснул со смеху.

Учитель, опомнитесь, этот богатый мажор, который норовит затащить меня в раннюю любовь, сидит прямо рядом со мной!

После череды мобилизационных речей, анализов и нравоучений классный руководитель забрала Су Юня и Шэнь Ифаня к себе. Она с убитым видом изучала результаты Су Юня за два последних экзамена, между которыми аккуратно вклинилось его перерождение.

— ...Математика со 120 упала до 63, китайский — со 118 до 96, комплексный естественно-научный тест — чуть больше сотни, и только английский на что-то годен... — классная руководительница постучала по столу. — Су Юнь, старшая школа — это совсем не время для

романтических отношений.

Су Юнь вытаращил глаза и едва сдержался, чтобы не покоситься на Шэнь Ифаня.

Неужели их раскусили? Неужели любовные гормоны между ним и этим мужчиной были настолько очевидны?

Нет-нет, он ведь даже ещё не дал согласие! Как невинный и слабый старшеклассник, он вёл себя предельно осознанно, до ужаса боясь, что излишняя страсть пробудит те самые первобытные звериные инстинкты на дне этой скрытной натуры.

Пока он терзался сомнениями, классная продолжила:

— Лян Тянь в этот раз поднялся ровно на десять мест. Вы оба крутите романы, но он почему-то оставил тебя далеко позади. Есть ли у вашего будущего при таком раскладе перспективы? Один балл — и это уже пропасть между университетами первого и второго потоков. Даже если вы кое-как поступите в один город, неравенство в положении и доходах в итоге всё равно проложит между вами трещину. — Классная сделала глоток воды и, заметив, что Су Юнь от её слов лишился дар речи, смягчила тон: — Я ведь тоже была молодой. Я не говорю, что любовь в старшей школе — это преступление, но вы должны расставить приоритеты. Сохраните эти чувства, я знаю, что вы с Лян Тянем росли вместе и привязаны друг к другу, продолжите уже в университете. Скажите ведь, господин Шэнь?

— Он и Лян Тянь не состоят в романтических отношениях...

Голос прозвучал до того ледяно, что Су Юнь, подозреваемый в «ранней любви», аж задрожал от страха — он совершенно не смел взглянуть на выражение лица господина Шэня.

— Та записка и правда недоразумение, мы с Лян Тянем...

— Что? Лян Тянь и Сяо Юнь крутят роман?

Тут у дверей очень некстати раздался громкий, до боли знакомый бас, прервав его на полуслове. Су Юнь был готов изблювать кровь и рухнуть замертво.

Офицер Лян принялся тереть ладони, словно изо всех сил сдерживая гнев:

— Эм-м, учитель Лю, кажется? Я родитель Лян Тяня, я только что отпрашивался у вас, дома кое-какие срочные дела.

Классная только кивнула, как вдруг офицер Лян швырнул на пол фуражку, единым махом выскочил в коридор, втащил за шкурку Лян Тяня в класс и с грохотом захлопнул дверь. Тот, при росте почти метр восемьдесят, дёргался и барахтался под его огромной лапой, точно цыплёнок.

Лян Тянь завопил:

— Су Юнь, я же не кручу с тобой роман, скажи!

Су Юнь, разумеется, закивал со страшной силой:

— Дядя Лян, мы правда не встречаемся! Это недоразумение!

Классная наконец вступила в бой: она вытащила из ящика стола помятую записку и протянула

её гостью, с нажимом указав, что этим они занимались прямо во время урока.

Офицер Лян взглянул — и в его глазах вспыхнул огонь.

— Ещё и жёнушкой обзывается! Сопляк, который в жизни ломаного гроша не заработал! Вот я и думаю, с чего это у Юньюня оценки так рухнули? Оказывается, это ты, паршивец, натворил! Какого чёрта ты лезешь к нему с шашнями в такой момент? У тебя шкура чешется?!

— Мы не встречаемся! Это «желушка» — опечатка, тьфу, то есть «жёнушка» — это недоразумение, не я его так звал!

Офицер Лян, опираясь на свой многолетний опыт расследования дел, отвесил сыну звонкую оплеуху:

— Недоразумение? Из-за недоразумения его оценки могли так упасть?! Ты, мать твою, калечишь хорошего ребёнка! Паршивец, ты считаешь, что со своей никчемной рожей способен за это ответить?!

Лян Тянь и правда взбесился и взревел во всю глотку:

— С чего это я не способен ответить?! Подумаешь, уйду учиться в технический колледж Лянсян, буду после него на стройке кирпичи таскать да экскаватором управлять... Да нет, с какого перепугу я вообще должен за него отвечать? У него вон есть наш главарь, за одного только часового механизма на часах нашего главаря отдали несколько сотен тысяч!

— Ты ещё и с мафией связался, чтобы калечить его! Смотри, я сегодня до смерти тебя забью!

Заметив, что у офицера Ляна от гнева покраснели глаза, классная судорожно подбежала и встала между ними:

— Не будьте так строги к ребёнку! Даже если они влюбились, в этом нет ничего страшного. У Су Юнь отличная база, времени ещё вагон, они могут обратить романтические чувства в движущую силу и вместе поступить в престижные вузы!

Ремень, зажатый в руке офицера Ляна, заходил ходуном:

— Выходит, вы всё-таки влюбились?!

Су Юнь: «.....» Наконец он перевёл взгляд на Шэнь Ифань. Стерпев ледяные осколки в том взгляде, он изобразил на лице чистейшую невинность:

— Я правда не в отношениях.

Лицо Шэнь Ифаня сделалось ещё мрачнее:

— Ты уверен?

Су Юнь молча воззрился в потолок: да я чёрт возьми, в отношениях или нет?!

Плохой дядя на складе

Когда они выбрались из сумбурного и балаганного кабинета директора, на улице уже совсем

стемнело. Лян Тяня собственный папаша уволок в семейный Шевроле — уезжая, тот со слезами вопил, чтобы Шэнь Ифань взял его с собой собирать дань с торговцев. Су Юнь же, покорный словно молодая жена, сел за властным генеральным директором в сторону соседнего жилого комплекса.

Ничего не попишешь, наш властный президент, кажется, снова включил капризную недотрогу.

Вернувшись домой, Шэнь Ифань тут же заперся в кабинете и не выходил даже тогда, когда Су Юнь закончил принимать душ. По дёргал ручку пару раз — оказалось, этот гад изнутри задвинул дверь на замок.

— Черт, запирается-то зачем?.. Шэнь Ифань?

— Шэнь Цзун?

— Шэнь — властелин мира?

Он покричал несколько раз, но в ответ была тишина. Неужели и впрямь решил устроить детскую истерику?

Су Юня слегка утомила эта драма, и он с досадой пнул дверь ногой:

— Властелин, похолодало, твоя компания обанкротилась!

Дверь наконец отперли. Выражение лица мужчины мало отличалось от того, с которым он переступал порог дома.

Конечно, мимика этого человека по большей части сводилась к стандартной версии холодного и бесчувственного босса: все люди на свете любят меня, а я готов дарить улыбки лишь той бедной и никчёмной золушке.

Шэнь Цзун, разумеется, не знал, что стоящий перед ним человек в этот момент мысленно фантазирует в духе Мэри Сью:

— Что такое? Если проголодался, я велю привезти ночной перекус.

Су Юнь прищурился и украдкой заглянул в комнату: в кабинете стоял густой полумрак.

— Не голоден. Чего ты всё это время запершись сидел?

На лице Шэнь Ифаня промелькнула странная трещинка, которую Су Юнь тут же заметил.

Черт, неужели он снова собрался объявить ему войну на выживание без права на перемирие? Кто кого ещё испугается!

— Ладно тогда, продолжай свои дела.

Су Юнь уже с раздраженным видом развернулся, собираясь уйти, как вдруг кто-то ухватил его за локоть. Мужчина выглядел озадаченным. — Ты злишься?

Су Юнь закатил глаза:

— Это ты злишься. Чуть что — сразу устраиваешь мне молчанку. Раз такой смелый, так вообще никогда со мной не разговаривай! Вот и отлично! Завтра же съезжаю, больше не хочу жить с

таким ледяным чурбаном. Кто первый заговорит после этого — тот собака.

Су Юнь изо всех сил потянул мужчину на себя, но тот даже не сдвинулся с места, лишь тихонько усмехнулся у него за спиной.

— Да чтоб тебя черт побрал,пусти!

Мужчина действительно отпустил, но в тот момент, когда Су Юнь потерял равновесие, он ловко подхватил его под обе руки, взвалил на плечо, затащил в комнату, захлопнул дверь и швырнул прямо на диван.

— Ты!

На него навалилась крепкая, подтянутая фигура. Только в этот миг Су Юнь смог ощутить от этого вечно холодного человека скрытую, опасную властность — словно дикий зверь сбросил фальшивую личину.

Неужели... неужели я наконец-то пробудил первобытные инстинкты, глубоко запрятанные в душе этого скрытного ханжи? Неужели он собирается со мной...

— Ав!

— С-серьезно?..

Мимолетное возбуждение Су Юня тут же испарилось, сменившись холодным потом.

Шэнь Ифань легко усмехнулся:

— Я не устраивал тебе молчанку, просто думал о своем. Все друзья говорят, что у меня слишком суровое лицо, когда я не улыбаюсь. Не принимай на свой счет.

Ну просто безжалостный и чертовски красивый верный пес.

Су Юнь не удержался, с улыбкой потрепал мужчину по голове и через его плечо заглянул в кабинет. Он попал сюда впервые: всё-таки это было личное пространство хозяина, да к тому же главы огромной корпорации, поэтому он всегда вел себя деликатно и сюда не совался.

На глаз кабинет был примерно такого же размера, как спальня, и обставлен в том же холодноватом стиле. Раскладной диван, на котором он сидел, оказался на редкость мягким, а сзади уже стоял включенный проектор, проецирующий на белое полотно на стене стартовую анимацию.

Су Юнь нашел это занятным — в его прошлой жизни на вилле тоже было нечто подобное.

— Ты что, устраиваешь домашний кинотеатр? Что собрался тайком смотреть в одиночку?

Мужчина на секунду замер:

— Скачал кое-что, хотел чуть позже изучить.

— Изучить?

Су Юнь уже хотел съязвить: неужели собрался смотреть обучающие видео по математике или английскому?

Если бы это было так, он бы тут же прикинулся мертвым. Но не успел он выдать шутку, как заметил, что ноутбук на соседнем столе открыт, на экране вовсю качается какой-то тяжелый файл, а заметив, что Су Юнь смотрит, мужчина попытался его заслонить.

Сообразилка у Су Юня работала быстро, пара мгновений — и пазл сложился.

Он лукаво ухмыльнулся:

— Неужели... ты собрался тайком изучать фильмы для взрослых?

В полумраке комнаты Су Юнь не мог разглядеть выражение лица этого ханжи, которое тот пытался скрыть, но заметил, что уши у него покраснели.

Бедный отличник! Целыми днями общается на платоническом языке, а в суетный мир так толком и не спускался.

Су Юнь по-свойски хлопнул гендиректора Шэня по плечу:

— Да ладно, я и сам особо не видел таких интересных вещдоков. Как насчет того, чтобы погрызть гранит науки на пару? — С этими словами он с энтузиазмом принялся выталкивать мужчины из комнаты. — Ступай-ка вниз, купи какой-нибудь еды и питья. Для просмотра фильма нужна подходящая атмосфера.

Шэнь Ифань с выражением лица, говорящим «...», был отправлен вниз за покупками. Су Юнь же тем временем подкрался к компьютеру. Полоска прогресса показывала больше девяноста девяти незавершенных загрузок самого разного толка. Порывшись в этой солянке сомнительного контента, он наконец с ехидной улыбкой ткнул в один из файлов.

Когда Шэнь Ифань вернулся, на огромном экране уже вовсю шла заставка.

У мужчины невольно дернулся глаз:

— Пленники склада... злой дядя?

Су Юнь, потирая щеки, рассмеялся:

— Жутко интригует, правда? Игры с веревками и разборки на природе — выглядит заманчиво. — Он опустил взгляд и, постукивая указательными пальцами друг о друга, протянул мягким, вкрадчивым голосом: — К тому же я люблю плохих парней... Ты ведь тоже уже дядя... Давай, постигай азы.

—

Этот самый «злой дядя» с отрешенным видом опустился рядом с маленьким засранцем. Фильм начался. Су Юнь сглотнул слюну: в самом начале показали заброшенный склад с потрепанным диваном внутри. Затем камера сменила ракурс, и Су Юнь от неожиданности так резко дернулся, что едва не подавился непрожеванным чипсом.

На экране очаровательного хрупкого паренька привязали к дивану. Лицо у него было такое, будто он объелся возбуждителей, а из рта доносились непрерывные стоны.

Су Юнь сжал кулаки, сердце подскочило до ста восьмидесяти ударов в минуту, а голос уже не получалось удерживать в спокойных рамках:

— Т-ты как себя чувствуешь?

Смотреть кино для взрослых вместе с тем, к кому равнодушен, — это просто невероятный стыд...

Голос рядом прозвучал подозрительно хладнокровно:

— Преступление, связанное с похищением и изнасилованием... Если этому парню еще нет шестнадцати, его можно сразу приговаривать к смертной казни...

— ...Заткнись!

Су Юнь сейчас был готов сам согласиться на смертную казнь.

Мужчина успешно погасил добрых девяносто процентов его греховных порывов. Су Юнь даже сделал глоток колы, чтобы остыть, но на экране сцена уже сменилась на срывание одежды в сопровождении всевозможного реквизита. Скорость этого экспресса была настолько бешеной, что выдержать такое оказалось выше человеческих сил.

В конце концов, он смотрит подобное кино впервые, так стоит ли демонстрировать генеральному директору Шэню свою стыдливую невинность?

Он издал слабый взглас и зажал глаза руками:

— Ой, как стыдно... Ты ведь не поступишь со мной так же?

тьфу, стоило разволноваться, как сразу начал цитировать реплики из фильма! Весь образ невинного и чистого старшеклассника пошел насмарку.

Су Юнь с неловким видом приоткрыл один глаз сквозь пальцы и заметил, что мужчина смотрит на него в упор, судя по всему, уже довольно давно.

От этого стало еще неловче:

— Ты чего на меня уставился вместо того, чтобы обучающее видео смотреть?

Шэнь Ифань легко кашлянул и улыбнулся:

— Изучаю материал. Когда ты возбуждаешься, у тебя слегка прищуриваются глаза, вот я и пытаюсь вывести, что тебе нравится больше всего...

Значит... значит... в будущей счастливой совместной жизни он собирается проделывать с ним такие стыдные вещи?

Вот только выражение лица этого властного генерального директора было донельзя серьезным. Разве можно с таким ледяным рассудком смотреть кино для взрослых и обсуждать впечатления от просмотра?

Су Юнь из последних сил удержал на лице естественную улыбку:

— И... и к каким же выводам ты пришел?

В этот момент его заключили в объятия. Пижамы на Су Юне были тонкой, рубашка мужчины — тоже легкой, и они почти физически ощущали жар тел друг друга, смешанный с легким,

юношеским трепетом.

И тут с экрана донесся испуганный вопль:

— Ах ты шлюшка... Дядя сделает тебе хорошо...

Су Юнь на мгновение растерялся, а затем перестал слышать любые посторонние звуки. В ушах отчетливо застучало чужое сердце: тук-тук, тук-тук... Его удары отдавались гулкой силой, но при этом были настолько нежными, что казалось, они готовы растворить его до самых костей.

— ...Шэнь Ифань, я...

Мужчина одновременно с ним вздохнул:

— Прости. Наверное, я не смог бы поступить с тобой так же. Он слишком груб с ним, а я хочу беречь тебя — и твоё тело в том числе.

—

Су Юнь обвил руками шею мужчины и прижался еще крепче. Низкий, бархатистый и невероятно мелодичный голос Шэнь Ифана проникал в самые потаенные уголки его души.

Оказывается, на свете существуют звуки куда более соблазнительные, чем фильмы для взрослых и любые запрещенные препараты.

— Юнь-Юнь, я действительно часто «не догоняю» все эти намеки и любовные излияния, но я буду стараться учиться... Хм, что касается нашей физической близости, то я жажду ее точно так же, как и любой другой человек, любящий свою половинку. Но если ты не кивнешь в ответ и не примешь меня всем сердцем, у меня просто не хватит духу прикоснуться к тебе.

Сердце Су Юня на миг стало влажным, словно каждая его клеточка рассыпалась искрами, а на каждой было выжжено имя: «Шэнь Ифань».

В прошлой жизни этот мужчина тоже никогда не прикасался к нему. Хотя во многих ситуациях Су Юнь чувствовал, как обнимающее его тело буквально дрожит от напряжения, Шэнь Ифань неизменно сдерживался.

Неужели причина крылась именно в этом?

В том, как этот скрытный отличник по-своему понимает любовь к близкому человеку?

— Шэнь...

Его губы коснулся длинный указательный палец мужчины.

— Не мог бы ты называть меня как-нибудь более интимно?

Су Юнь прикусил губу:

— Дядя Шэнь?

В глазах мужчины вспыхнул огонек:

— Я не настолько стар.

— Тогда... братец?

Мужчина лишь улыбнулся и промолчал, похоже, это прозвище его вполне устроило.

Однако в душе Су Юнь снова зашевелились чертики — ему безумно захотелось подразнить этого неискушенного старого чудака.

Он подался ближе, вдохнул легкий древесный аромат у самого уха мужчины и закончил фразу кокетливым, медовым смешком:

— Или, может, звать тебя... муж?

Он никак не ожидал, что это слово произведет на мужчину такой эффект — от этой реакции Су Юнь буквально замер всем телом.

Пусть на словах он был еще тем прохвостом, в душе он оставался чистейшим ребенком во всей округе.

Су Юнь тут же отпрянул на добрых полметра:

— Эм, это... С чего ты сегодня вдруг не в духе? Неужели всё еще злишься из-за той записки на днях? До чего же ты мелочный!

Лучший способ справиться с неловкостью — с каменным лицом припомнить старые обиды.

Су Юнь мысленно поставил себе пятерку за сообразительность~

Шэнь Ифань тоже постепенно возвращался в реальность из накалившейся атмосферы. Помолчав немного, он заговорил:

— Я знаю, что между вами ничего нет, но мне все равно неприятно... Если бы была возможность, я бы предпочел спрятать тебя там, где ты будешь на моих глазах двадцать четыре часа в сутки. Хочу владеть тобой безраздельно и не желаю, чтобы тебя связывал хоть кто-то еще.

—

Су Юнь онемел от изумления. Шэнь Ифань, встреченный им на пять лет раньше, оставался всё тем же Шэнем Ифанем — почему же в обеих жизнях у него такая болезненная страсть к заточению?

Появшись немного, Су Юнь стиснул зубы и выпалил:

— А если я соглашусь с тобой встречаться? И... и даже буду называть тебя... м-мужем? Только чур не страдать такой ерундой и не превращаться в параноика! Я люблю свободу, не хочу, чтобы меня держали в ежовых рукавицах, и тем более не собираюсь целыми днями сторожить пустой дом в ожидании твоего возвращения.

Су Юнь чувствовал, что в этой жизни ему снова суждено угодить в сети этого мужчины. Раз уж не удастся сбежать, лучше сразу обговорить условия — возвращаться в мрачное подземелье ему не хотелось от слова совсем.

— ...

<http://bllate.org/book/22607/2392860>